

Глава 3. Своеволие

Будь это прежде, столкнусь он с какими-нибудь обычными разбойниками, за подобные слова об отце давно бы прилетел кулак. Если не насмерть зашиб бы наглеца, то уж точно вколотил бы по уши в землю и как следует сверху потоптался.

Однако Шэнь Гумин уже успел оценить способности этого человека. Лезть на рожон сейчас — всё равно что муравью пытаться сдвинуть вековое дерево. Только лишних проблем огребёшь.

Пропасть между ними была слишком велика. Прекрасно понимая своё шаткое положение, юноша умолк, упрямо сжав губы. Со стороны могло показаться, будто его жестоко и несправедливо обидели.

Глядя на эту мину, Лян Сюань разрывался между искренней жалостью и непреодолимым желанием заржать в голос, катаясь по полу. Так и подмывало съязвить: «Юйянь-цзюнь тебя что, на помойке нашёл, раз даже гроша в наследство не оставил?»

Но он-то прекрасно знал, что это не так.

Главный герой, Шэнь Гумин, с пелёнок купался в роскоши. Перед вознесением Юйянь-цзюнь души не чаял в любимом сыне: баловал его, заваливал самым дорогим и лучшим, буквально сорил деньгами ради его капризов. Ну не мог такой баловень судьбы разгуливать без единого духовного камня в кармане!

Лян Сюань окинул его подозрительным взглядом.

— Неужто припрятал где-то на теле?

Хоть Лян Сюань и понимал, что сюжет романа со свистом улетел в тартарары и некоторые выкрутасы местной реальности не смог бы предугадать даже он...

...но парень был одет настолько роскошно, что на жертву разорившегося клана ну никак не тянул.

Шэнь Гумин мотнул головой и честно признался:

— Я ничего с собой не брал.

— Это ещё почему? Разве ты не знаешь, что, отправляясь в путь, первым делом нужно брать деньги, а вторым — мозги? — Лян Сюань сокрушённо развёл руками, глядя на него со смесью притворного сострадания и насмешки. — А ты, как я погляжу, обделил себя и тем, и другим.

Шэнь Гумин одарил его тяжёлым, многообещающим взглядом.

Ему безумно, просто до зуда в кулаках хотелось свернуть этому наглецу шею.

— Я держу путь в Цинсяо-цзун, чтобы проситься в ученики к самому Вэйцы-цзюню. Стоит мне войти в тайные врата, и горам золота на вершинах просто не найдётся применения. Зачем мне лишний груз? — Шэнь Гумин едва ли не со скрипом процедил сквозь зубы: — Так что если тебе нужны духовные камни, будь любезен, ограбь кого-нибудь другого.

— Да я от голода едва ноги таскаю, где мне силы взять на других-то?

С этими словами Лян Сюань начал медленно придвигаться к Шэнь Гумину. Подол его белого плаща и полупрозрачная вуаль шляпы-веймао волочились по полу. К счастью, на дворе стоял день, иначе в сумерках такое зрелище могло бы до смерти напугать любого случайного прохожего.

— Денег нет, говоришь... Но эта твоя парчовая одежда наверняка стоит целое состояние, а?

Стоило Лян Сюаню податься вперёд, как Шэнь Гумин испуганно отпрянул, пока не упёрся спиной в стенку кареты. Услышав намёк, юноша чисто рефлекторно прижал руки к груди, защищая свой наряд.

Видя этот жест, Лян Сюань не выдержал и прыснул. До чего же забавно издеваться над детьми, а уж донимать главного героя — отдельное, ни с чем не сравнимое удовольствие! Персонажи книг, в конце концов, только для того и созданы, чтобы над ними глумиться.

Плечи мужчины в белом беззвучно подрагивали от смеха. Почувяв, что этот ненормальный, кажется, только больше вошёл во вкус от его испуга, Шэнь Гумин окончательно растерялся.

— Ты... даже не думай о глупостях! Слышишь? Должны же быть хоть какие-то приличия!

Он осёкся. В ту же секунду на его плечо легла прохладная ладонь. Незнакомец придвинулся почти вплотную и интимно, с вкрадчивой хрипотцой прошептал прямо на ухо:

— Надо же... Ты и впрямь решил взывать к совести разбойника? М-м?

Голос грабителя прозвучал на удивление чисто и глубоко, словно звон драгоценного фарфора, поднятого со дна древнего озера. В этом мягком, едва уловимом дыхании крылось какое-то странное очарование. Шэнь Гумин на мгновение оцепенел, а когда пришёл в себя, мысленно обозвал себя последним идиотом за то, что заслушался речью какого-то проходимца.

Но пока он предавался самобичеванию, он скользнул пальцами вниз. Мужчина попытался

сковырнуть драгоценный нефрит, вшитый в его пояс, но, поняв, что тот закреплён намертво, недовольно цокнул языком и... принялся бесцеремонно стаскивать с юноши верхнее одеяние!

Что за чертовщина?!

Он нагло ощупывал его повсюду, скользя быстро и неуловимо, точно юркий вьюн. Как ни пытался маленький бессмертный господин перехватить их, всё было тщетно — ему оставалось лишь изо всех сил обеими руками судорожно сжимать ворот на груди.

Происходящее живо напоминало грязные посягательства уличного насильника на невинную девуцу. От этой аналогии Шэнь Гумина мгновенно бросило в дрожь, а кожа покрылась мурашками. Во-первых, он вообще-то был мужчиной, и столкнуться с подобным непотребством казалось невыносимым бредом! Во-вторых, никто и никогда прежде не смел обращаться с ним столь нагло и бесцеремонно.

Обида и ярость закипали в груди, требуя немедленного выхода.

Когда шёлковая ткань на груди с треском разошлась, терпение юноши окончательно лопнуло. Сгорая от стыда и гнева, он резко вскинул ладонь и выплеснул всю свою куцую духовную силу прямо в грудь обидчику.

Шэнь Гумин прекрасно отдавал себе отчёт в собственных возможностях. Если даже толпа его охранников не смогла задеть и волоска на голове этого мерзавца, то деликатничать не имело смысла. В этот удар он вложил абсолютно всё, на что был способен... то есть всю мощь заклинателя четвёртой стадии Очищения Ци.

Он и не надеялся пришибить наглеца на месте, но это была демонстрация его категорического протеста. Последний бастион гордости маленького бессмертного господина.

Кто бы мог подумать, что от этого толчка таинственный незнакомец в веймао пулей отлетит назад! Он с грохотом врезался спиной в деревянную перегородку кареты и глухо, болезненно застонал.

Этот полный страдания стон поверг Шэнь Гумина в полнейший шок. Он застыл, онемев от изумления, и уставился на собственную ладонь. На его лице крупными буквами читалось искреннее недоумение.

«Неужели я настолько силён?»

И пусть победа оказалась неожиданной, обида, душившая юношу последние полчаса, испарилась без следа. словно после долгого удушья он наконец-то сделал глоток чистого, свежего воздуха. На душе стало невыразимо легко.

Атмосфера в карете сделалась неопределённой.

Потерев ушибленную грудь, Лян Сюань как ни в чём не бывало пополз обратно, точь-в-точь как назойливый репейник.

Тесное пространство экипажа не оставляло путей для манёвра, так что этот ненормальный навалился прямо на колени юноши и возмущённо возопил капризным, плаксивым голосом:

— Средь бела дня! Прямо под чистым небом! Маленький бессмертный господин посмел поднять на меня руку?! Да какого, мяу его за ногу, лешего?!

Судя по его бодрому тону, ни о каком серьёзном ранении и речи не шло. Словно весь недавний триумф Шэнь Гумину просто померещился.

— Ты вообще на человеческом языке разговаривать умеешь? — Шэнь Гумин сердито уставился на него.

«Да твои скрытые клинки едва не угробили всю мою охрану! Они теперь кровью харкать будут три дня кряду! Радоваться должен, что я тебя прямо здесь на куски не порвал в уплату долга!»

«И что ещё за "мяу"? Взрослый ведь детина, а кривляется как сопливая девчонка. Бедные кошки, никогда их ещё так гнусно не оскорбляли...»

Молодой господин терпеть не мог прикосновений посторонних людей, а уж подобные объятия за колени и вовсе переходили все границы. Стоило безумцу навалиться на него, как у Шэнь Гумина дыбом встали волосы на затылке. От омерзения и гнева он едва не зашипел.

Однако бесстыдник вцепился в него мёртвой хваткой — не отодрать. Глядя, как главного героя буквально перекашивает от ярости, Лян Сюань втайне ликовал.

— Да когда ты уже уgomонишься?! — взорвался Шэнь Гумин. — Что тебе от меня нужно?!

— Ну-ну, не кипятись, — раздался из-под вуали бесстыдный ответ. — Я просто требую компенсацию за моральный ущерб.

В прежние времена, когда Лян Сюань открыто носил своё имя великого заклинателя, шаг влево, шаг вправо карались общественным порицанием. Что бы он ни сделал — хорошее ли, плохое — сплетники тут же перемывали ему кости, выстраивая километровые теории заговора на форумах духовной сети. От греха подальше он тогда просто залёг на дно, притворившись безжизненной колодой.

Зато теперь, когда лицо скрывала плотная вуаль, а истинная личность оставалась тайной,

можно было наконец-то дать волю своей дурной натуре. Настоящая свобода: веймао на голове — прощай, стыд и совесть!

— Ох, какой же ты сильный, одной левой меня покалечил! Быстро снимай парчу, пойдёт в счёт оплаты лечения.

—... На кой чёрт тебе сдались эти камни?

— Сказал же, жрать хочу. Спущусь в город и знатно пообедаю.

Шэнь Гумин так разозлился, что на лбу у него вздулась синяя жилка. Он издал короткий, нервный смешок:

— Да ты хоть представляешь, сколько первоклассных духовных камней стоит этот наряд? Ты там что, императорский пир из сотни блюд заказывать собрался? Или решил выкупить весь трактир вместе со слугами на тридцать лет вперёд?

— Моя твоя не понимать, — фыркнул Лян Сюань. — Раскошелишься — будешь жить, зажмёшь монету — пеняй на себя.

— Ты просто невыносим!

Но Лян Сюань и не думал сдаваться. Он развалился прямо на полу, обхватив ноги юноши руками и ногами мёртвой хваткой. Как бы тот ни брыкался, безумец оставался незыблем, словно Великая гора. Талантом выводить людей из себя этот тип обладал поистине непревзойдённым.

«От злости быстрее стареют... Гнев портит лицо... Спокойствие, только спокойствие. Чего ради я вообще препираюсь с умалишённым? Ха-ха, действительно...»

Шэнь Гумин отчаянно пытался внушить себе эту нехитрую истину. Сделать глубокий вдох, усмирить гордыню, обрести внутреннее равновесие.

Медленно и шумно выдохнув, он наконец вернул себе подобие самообладания.

— Я не верю, что ты устроил этот цирк из-за банального голода.

Будь этому психу действительно нужна только еда, он бы уже давно умчался грабить ближайшую харчевню, а не устраивал представление в чужой карете.

Посерьёзнев, Шэнь Гумин пристально посмотрел на него:

— Спрашиваю в последний раз: что тебе нужно на самом деле?

Безумец вдруг затих.

В карете повисло долгое, тягучее молчание. Когда юноша уже решил, что ответа не дожждётся, мужчина в белых одеждах неторопливо произнёс:

— Слишком много вопросов, маленький бессмертный господин.

Шэнь Гумин нахмурился, собираясь возразить, но мир перед глазами внезапно совершил безумный кульбит. Белый силуэт тенью метнулся к выходу, откинув тяжёлую занавесь. Схватившись бледными пальцами за поводья, незнакомец с силой рванул их на себя.

— Сам напросился! — донеслось снаружи.

Породистые скакуны рванули с места, мгновенно набрав бешеный ход.

Вожак упряжки испуганно заржал, задрал голову. Лян Сюань, правивший повозкой с грацией вдрызг пьяного лихача, обернулся и весело крикнул в полумрак салона:

— Слышал? Правда, на твой голосок похоже?

Сказать гадость для него было сродни глотку воздуха.

Находящийся внутри Шэнь Гумин пребывал в состоянии глубочайшего шока от манеры езды своего похитителя. Судорожно цепляясь за деревянную обшивку, он пытался удержаться на сиденье и всерьёз сомневался в реальности происходящего.

Тряска была немилосердной. Внутренности скрутило узлом, к горлу подкатил тяжёлый ком тошноты. С трудом сдерживая рвотные позывы, взбешённый юноша наконец сорвался на крик:

— Пошёл вон!

Но Лян Сюань лишь пропустил его вопли мимо ушей, упиваясь собственным мастерством:

— А-ха-ха! Сегодня я устрою тебе поездку с ветерком! Обещаю, этот аттракцион ты запомнишь до конца своих дней! Будет и страх, и трепет, и полное, сокрушительное фиаско в финале!

Экипаж подпрыгнул на очередном ухабе.

Хорошие манеры, вбитые с детства, разлетелись в прах. Ругательства вроде «Да ты точно конченный псих!», «Твою ж мать!» и «Я лично тебя придушу, скотина!» градом посыпались из уст юного аристократа. Его яростный крик эхом разнёсся по округе, распугав стаи птиц в кронах деревьев.

Ни одна живая душа ещё не умудрялась довести его до столь отборной брани!

— К твоему сведению, законы Цинсяо-цзун суровы, — с напускной строгостью отозвался Лян Сюань. — За нарушение тишины и вопли у священных врат полагается сажать в свиную клетку и топить в пруду. Так что я везу тебя напрямик к ближайшей реке — поглядим, как быстро ты там разбухнешь.

Он говорил настолько убедительно, что Шэнь Гумин на мгновение засомневался. Учитывая запредельный градус безумия этого типа, тот и впрямь мог повернуть нечто подобное.

«Только не это! У меня же брезгливость! Уж лучше умереть в бою, чем захлебнуться в грязной клетке для скота! Какой позор... Да меня на том свете засмеют!»

Заметив, что парень в карете притих, явно переваривая угрозу, Лян Сюань ощутил приятный укол триумфа. Довольно ухмыльнувшись под своей вуалью, он с ещё большим азартом пришпорил коней.

Четвёрка великолепных скакунов неслась во весь опор. Кони выбивали оглушительную чечётку по горной тропе, оставляя за собой плотную завесу серой пыли.

Они мчались прочь от Цинсяо-цзун, стремительно спускаясь к подножию горы.

<http://bllate.org/book/18178/1746584>